Соглашение Китая со Святым Престолом и миф о мировом единстве

22 октября 2024 года Ватикан объявил, что в третий раз продлит срок действия временного соглашения с Китаем о назначении епископов, заключённого в 2018 году. Тогда мы оценили его ратификацию как *«исторический поворот»*, имеющий *«вековое измерение»*. Срок, на который его продлят в этот раз, будет вдвое больше – четыре года. Появившись в контексте противостояния между державами перед лицом *кризиса мирового порядка*, с последующими войнами и глобальной гонкой перевооружений, сроки которой задаёт Китай, это соглашение, несомненно, приобретает всё более стратегическое значение.

Критики соглашения обычно подчёркивают проблемы, оставшиеся неразрешёнными, и риск того, что католическая церковь будет подавлена силой китайского государства. Однако Джанни Валенте, директор Agenzia Fides (информационная служба Папских миссионерских обществ), утверждает, что на протяжении многих лет *«факты»* доказывали правоту Хорхе Бергольо, который исходил из *«простого христианского реализма»*. С 2018 года прекратились *«незаконные епископские рукоположения»*, то есть рукоположения без папского согласия, которые с конца 1950-х *«привели к серьёзным расколам в церковном общении между китайскими католиками»*. Кроме того, впервые в истории КНР два китайских епископа приняли участие в недавних заседаниях Синода в Риме (*Vatican News*, 14.09.2024).

Синод для новой стратегической фазы

На Синоде *«за синодальную Церковь»*, созванном Бергольо в 2021 году и завершившем работу в октябре 2024-го, «китайский вопрос» с его огромными последствиями для католической церкви, похоже, стал основной темой. Критика в адрес Синода обильно лилась как со стороны прогрессистских, так и со стороны консервативных кругов, выражавших разочарование отсутствием прогресса и недоумение или тревогу по поводу тенденции к *«протестантизации»*.

Тем не менее иезуит Антонио Спадаро, бывший редактор газеты *La Civiltà Cattolica*, предлагает нам рассмотреть Синод на другом уровне, в котором неразрывно переплетаются внутреннее измерение церкви и динамика соперничества между державами. В мире, *«всё более разделённом на противоборствующие блоки, более угрожающие, чем те, что были в прошлом веке»*, – пишет он в итальянской газете *il Fatto Quotidiano*, – *«католический Синод подтвердил, что у нас разделяем общую судьбу и что Церковь сегодня должна жить даже там, где господствуют ветра и бури, сотрясающие мир»*. Грозные обстоятельства вынуждают католическую организацию к кропотливому процессу адаптации, который должен сделать её более *«единой в многообразии»*. По словам Спадаро, это означает действовать *«в эпоху, характеризующуюся разочарованием в государственных моделях, противостоянием национализмов и искушением разрешать конфликты силой»*.

Вторжение китайского империализма сотрясает порядок *старых держав*, подтверждает его кризис и предвещает его будущий крах. Церковь Бергольо воспринимает себя как *«унитарный момент»* в этом противостоянии, даже если становится свидетелем кризисов и войн, поскольку *«конфликт»*, по мнению Бергольо, является *«неизбежным фактором в динамике человеческих, а, значит, и международных отношений»* (*“Il nuovo mondo di Francesco”*, 2018).

Заметим, что противоречие, присущее динамике *единства и раскола империализма*, неизбежно проходит и через *«католический интернационал»*, как его назвал Андреа Риккарди, – политическую организацию правящего класса, которая, с точки зрения марксистской науки, единственная в своём роде способна эффективно действовать в глобальном масштабе. Всемирный картель держав капитала в своём единстве не может оставить Китай за рамками, но гигантский размер последнего приносит с собой также динамику империалистического раскола, и наглядной тому демонстрацией служит кризис *старого евроатлантического порядка*.

Централизация плюрализма сил Ватикана

«После столетий тесной связи с Европой и западным миром, – пишет Агостино Джованьоли, историк из Миланского католического университета и член научного комитета Института

Конфуция, – центр тяжести мирового католицизма поступательно и в относительно краткие сроки перемещается за пределы Старого континента, что приводит к пересмотру отношений с различными регионами мира» (*“L’Accordo tra Santa Sede e Cina”*, 2019).

Тем не менее долгое время католическая церковь рассматривалась в Китае как представитель “чуждой религии” – наследие европейского колониализма и укоренения в старых евроатлантических державах. В Пекине считают, что это умножает опасность присущего ей централизма, выраженного в принципе примата Святого Престола. В этом смысле *синодальная церковь* представляет собой другой вариант политики централизации плюрализма сил Ватикана. Этот аспект был в центре выступлений китайских епископов на Синоде: по словам Винченцо Чжана Силу, епископа прибрежной провинции Фуцзянь, «*быть синодальной Церковью*» – означает «*уважать и слушать голоса различных историй, культур и традиций*» (*Vatican News*, 17.10.2024).

Что касается структуры католической организации и форм её централизации, то, по мнению Джованьоли, сама возможность для будущего диалога с Китаем была заложена ещё на II Ватиканском соборе (1962–1965), где был подчёркнут аспект коллегиальности и увеличения «*роли отдельных церквей*». С точки зрения экономического и политического цикла, с запуском «*реформ и открытости*» и «*политики открытых дверей*» Дэн Сяопина в 1980-х годах уже в Китае начало формироваться новое восприятие «*универсальности*» церкви. После долгого периода враждебного отношения к ней «*по внутренним причинам*», пишет Джованьоли, КНР стала рассматривать её «*как возможный ресурс в мировом противостоянии, где во множестве переплетаются не только политические, экономические и военные влияния, но и социальные, культурные и даже моральные*». Отсюда можно сделать вывод, что отношения с Ватиканом выглядели для Китая полезными на пути его империалистического подъёма.

Этот вопрос, пишет Риккарди, вышел на первый план при Кароле Войтыле. Во время его понтификата, пишет историк и собеседник польского папы, нерешённый китайский вопрос оказался «*проблемой, которая привела к отсутствию Церкви в очень важный момент китайской истории, когда Китай – в 2001 году – стал членом Всемирной торговой организации*». Заметим, что это был стратегический момент, позволивший Китаю переступить порог своего империалистического созревания. После ряда шагов вперёд и новых камней преткновения, которыми ознаменовался понтификат Йозефа Ратцингера, «*нить*» была подхвачена Бергольо, в «*чьём многополярном видении*» Китай является «*элементом огромной важности на шахматной доске мира*».

В Китае Си Цзиньпина, где «*поиск социальной стабильности*» связан «*с усилением международной проекции*», отмечает Джованьоли, церковь Бергольо оказалась «*надёжным партнёром в сложном международном контексте*». Внутри страны она предложила себя в качестве надёжного переговорщика для «*примирения*» католических общин, разбросанных по всей стране, то есть в качестве более предсказуемой силы по сравнению с «*новыми религиозными феноменами, менее поддающимися контролю со стороны правительства*».

Христиане, конфуцианцы и патриоты

По словам государственного секретаря Ватикана кардинала Пьетро Паролина, «*римский подход*» к отношениям между центром и периферией, который на протяжении веков совершенствовался на Тибре, является гарантией и для Китая, поскольку «*он означает универсальность без единообразия и общность без унификации*». «*Китаизация*» – то, что Си Цзиньпин требует от всех религий, представленных в Китае, представляет для Паролина один из многих стоящих перед церковью вызовов, но далеко не новых. Будучи примером «*инкультурации*» христианства, “китаизация” уходит корнями в VI–VII век, когда свою деятельность в Поднебесной вели сирийские монахи. Спустя столетия подобной практикой станут руководствоваться миссионеры XVI и XVII веков, прежде всего, Маттео Риччи. В 2020 году иезуитская киностудия Kuangchi Program Service в сотрудничестве с Центральным телевидением Китая (CCTV) сняла документальный телефильм об этом иезуитском миссионере, рассчитанный на широкий китайский рынок: «*Западный конфуцианец на Востоке*».

Даже в Китае, как утверждается, можно быть одновременно «*хорошим верующим*» и «*хорошим гражданином*». Невозможно прочесть это иначе, чем открытое заявление о

готовности к классовому сотрудничеству. По словам Элизы Джуниперо, директора Института Конфуция Миланского католического университета, более века, начиная с Бенедикта XV (Джакомо делла Кьеза), «китайский патриотизм был ценностью, которую католическая церковь признавала позитивной». Было даже «боевое крещение» этого подхода в виде поддержки «во время освободительной войны против Японии, в драматические годы, предшествовавшие Второй мировой войне».

Таким образом, участие церкви в создании *вооружённой нации* характерно не только для Европы, где сотрудничество национальных церквей Италии, Франции, Германии и Австро-Венгрии со своими государствами в 1914 году подготовило почву для осязаемого политического и социального укрепления католических организаций в послевоенный период. Достаточно вспомнить Латеранские соглашения 1929 года в Италии, положившие конец долгому противостоянию церкви и государства, характерного для XIX века, эпохи восхождения буржуазии.

С началом войны диалектика между центром и периферией породила два варианта ответа со стороны Ватикана, нейтрализм и интервенционизм: Рим посылал сигналы к единству, воплощением которых стал призыв Бенедикта XV в августе 1917 года против «этой бесполезной бойни»; момент раскола исходил от местных национальных церквей: они поддерживали «священный союз» собственных воюющих империализмов и мобилизовывали военных капелланов.

Чем будет христианство “с китайской спецификой”?

Необходимость «осмысления христианства в китайских категориях» не уменьшает масштабов проблемы, признаёт Спадаро. На протяжении 2000 лет о нём «думали в греческих категориях: что может значить думать о нём в китайских категориях?» (*“L’atlante di Francesco”*, 2023).

Вопрос остаётся открытым. С другой стороны, именно взаимосвязь с динамикой держав и последствия для неё неизбежно порождают крайне негативную реакцию со стороны представителей старых католических регионов. Это отражение того, что мы определили как *цикл атлантического упадка*. «Мы должны сохранить Запад»: такова неявная критика, высказанная, например, кардиналом Камилло Руини, многолетним президентом Итальянской епископальной конференции (CEI) во время понтификатов Войтылы и Ратцингера (*Corriere della Sera*, 13.10.2023).

Ватикан и Трамп II

После выборов президента США Паролин, ключевая фигура в отношениях с Китаем, не отрицал сильного давления со стороны Вашингтона, но утверждал, что линия Ватикана останется неизменной, «независимо от возможной реакции на неё, даже со стороны Америки».

Продлив соглашение с Пекином ещё на четыре года, Ватикан стремится оградить свою китайскую стратегию от вмешательства новой, непредсказуемой администрации Трампа. Это имеет последствия для всей внешней политики Ватикана. Европейский империализм, который, по словам Бергольо, «уже почти три года является эпицентром третьей мировой войны, идущей по частям», поддерживается перспективой большей стратегической автономии. Токио также обращает на это внимание, стремясь избежать перспективы «блок против блока» в отношении Китая. По словам Куни Мияке, бывшего дипломатического советника бывшего премьер-министра Фумио Кисиды, «Святой Престол показывает, как нужно вести себя с Китаем» (*Japan Times*, 03.10.2023).

Вероятна ли перспектива, что хотя бы на время ведущие державы сойдутся на том, чтобы сопровождать и поддерживать амбиции китайского империализма по пересмотру международного порядка? Ватикан предлагает свою помощь в рамках этой стратегической перспективы, которая имеет реальную основу в унитарных интересах мирового империализма. Однако силы раскола столь же реальны и исходят от тех же империалистических держав; на протяжении истории они уже вторгались в Ватикан и перетряхивали его институты. *Кризис мирового порядка* обещает много новых вызовов, которые не в состоянии разрешить даже *католический интернационал* с его многовековым опытом.

Ноябрь 2024 г.